

Юрий
НИКИТИН

ТРОЕ ИЗ ЛЕСА
ТРИЛОГИЯ

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н62

Разработка серии художника *И. Саукова*

Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

Никитин, Юрий Александрович.
Н62 Трое из Леса. Трилогия / Юрий Никитин. — Москва : Эксмо, 2019. — 1056 с. — (Гиганты фантастики).

ISBN 978-5-04-103805-2

В небольшой деревне в дремучем Лесу существует правило: «Кто не работает — тот не ест». А чтобы, на всякий случай, никого не заразить бездельем, лучше отправить лентяев подальше из деревни. Так и отправились в безвозвратное путешествие незадачливый волхв Олег и никудышный охотник Таргитай. И скучно им было вдвоем. Нашли они третьего бездельника с невеселым именем Мрак...

Классика отечественной фэнтези. Первые три романа легендарного цикла впервые под одной обложкой!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103805-2

© Никитин Ю., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Часть I

ГЛАВА I

Боромир отодвинул полог из медвежьей шкуры, и в дупло ворвался свежий утренний воздух. Тяжелые ночные запахи перепрелого дерева качнулись и, как донные рыбы, опустились, унося смутные видения и страхи.

Он высунул голову и, ослепленный ярким светом, задохнувшийся обжигающим воздухом, недоверчиво всматривался в мир. На земле свежие оттиски волчьих лап, но это кто-то из своих, а вот на дереве напротив — следы когтей крупной совы. Недобрый знак...

Кряхтя, он полез наружу. Воздух был свежий и влажный, утоптанная земля блестела росой. Деревья-великаны окружили исполинскую поляну плотной стеной. Ветви над ней переплелись, в темной зелени постоянно шебаршится, шевелится, вниз то и дело падают чешуйки коры, листья, сыплются шерстинки и перья. Нередко окровавленные.

За ночь землю кое-где вспучило, а у могучего дуба, где в дупле живет семья Годовита, даже пробился зеленый росток. Если не уничтожить к вечеру, завтра война с Лесом будет куда труднее...

Дожили, подумал Боромир с облегчением. Самой большой заботой его племени было дожить до весны, до тепла, до солнца, которое видели нечасто, но все знали, что с весны оно начинает прогревать деревья и землю.

Из ямы, закрытой сверху стволами деревьев и пластами дерна, выползали голые дети Громобоя, Старшего Охотника. За ними тянулся запах нечистот и вони, все в толстой корке грязи, с бледными лицами, красными глазами и распухшими кровоточащими деснами. Старшие были в лохмотьях перепрелых шкур, но с такой же засохшей кровью на губах, слабые, блеклые. Едва вылезли, расселись, как воронята, на длинной валежине, ослабелые ноги держат худо.

Кто покрепче, ковылял до Реки. Лед давно сошел, вода бежала, прыгая по камням, чистая, как рыба, и дети, помогая друг дружке, переходили по камням на ту сторону Реки. Там просто Лес, предтеча неведомого Чернолесья, куда не ступала нога человека, и в этом лесу дети, не отходя от берега и не теряя из виду приметные деревья, рылись в ворохе прошлогодних листьев, находили плоские стебельки лука, молодые листочки папоротника, крапивы, рвали и тут же старательно жевали, чувствуя, как живительные

капли вливаются в ослабевшие тельца, поддерживают уже было затухшие искорки жизни. Как козы, объедали молодые веточки тальника и орешника, обагривая их кровью из десен.

Самые живые из них первыми находили в кустах гнезда с яйцами. Такие же гнезда виднелись и на деревьях, но после мучительной зимы, когда большая часть детей погибала, никто из уцелевших не смог бы взобраться даже на похляпое дерево. А так торопливо выпивали яйца, и первая краска прилиwała к щекам, а в груди наконец начинало стучать сердечко, совсем было замершее за долгую зиму.

Домой возвращались, как и положено, не с пустыми руками. Каждый нес стебли едомой травы, корни принесут потом, когда окрепнут, старшие тащили даже сухие ветви, ибо живое дерево убивать не разрешают боги.

Боромир побрел, опираясь на резной посох, от дерева к дереву, бил посохом по стволам, те отзывались гулким звуком, а то и сонными голосами. Грязные седые волосы волхва были перехвачены на лбу полоской кожи, борода опускалась до пояса, а толстая медвежья шкура свисала с плеч до земли. На поясе висел широкий кремневый нож, но главным оружием Боромира был резной посох. Там сосредоточилась его мощь волхва, с его помощью он отгонял злых духов.

И сейчас не по-старчески острые глаза осуждающе осматривали дупла, землянки. Беспечны люди, беспечны! Супротив зверя любой выстоит, а незримому ворогу препон никто не ставит. Надо наложить заклятия. Враг не дремлет, пролезает в любую щель!

Из дупла семьи Годовита донесся детский крик. Боромир остановился: строгость надобна, но зря детей сечь нельзя. Сегодня дети, завтра им кормить родителей, беречь покой. Должны знать, что мир строг, но справедлив.

— Ой, тятенька! — слышался голосок. — Ой, не буду!.. Медведь, косолапый медведь...

Боромир тут же зашагал дальше. Несмышлениш забыл новый закон, который намедни установили волхвы: не зови бера, а то придет, и, когда отец вернулся с охоты, наверняка выбежал с воплем: тятенька, а бера не встретил?

Как и все мужики в деревне, Годовит бера не боялся, если один на один, в руке рогатина, а за поясом секира, но бер часто ходит ночью, пробирается к спящим через дупло, а кто живет в землянках, у тех разгребает бревна на крыше. Бер легко душит лося и несет в передних лапах, среди зимы разгребает твердую как камень, промерзшую землю, чтобы вытащить из норы мышонка... Поэтому волхвы повелели называть бера медведем, косолапым, топтыгиным. Пускай спит в своем логове бера, берлоге, не догадывается, что говорят о нем!

Скорее бы шли годы, подумал Боромир тревожно. Старики унесут опасное знание в вирий или к Ящеру, родство с берами забудется, а внуки даже знать не будут, что совсем недавно вышли из звериного мира. Надо лелеять солнечную каплю в сердцах, которую заронил бессмертный Род!

— Мир дому, — сказал он густым сильным голосом, медленно и опасливо спускаясь по земляным ступенькам, склизким от сырости, в просторную землянку старого Тараса. — Пусть Чур оградит тебя от Ящера!

— Слава Чуру и светлым богам, — прозвучал простуженный голос.

В землянке влажно и жарко, посередке утоптанного земляного пола плоские камни, вбитые в землю, на них еще светятся багровым огнем крупные угли. Зловещие блики прыгают по неровным стенам, из которых свисают засохшие корни. Иные выпучиваются мощно и нагло, в них чувствуется шевеление, то ли холодные соки с силой прут из тайных глубин в толстые стволы, а оттуда к ветвям и листьям, то ли крупные черви и жуки в тепле и безопасности жрут мощно, спешат взматереть и наплодить потомство.

Древний дед Тарас сидел перед очагом, зябко вжимаясь спиной в теплую стену. На ногах короткая шкура бера, одной рукой Тарас пытался натянуть ее до подбородка, а другой нерешительно трогал последней щепочкой угли. Самый старый в деревне, он не умер потому лишь, что не решил, кем станет: домовым или лешаком. Добро бы в доме, за детьми нужен глаз да глаз, но всю нелегкую жизнь мечтал попасть к берегиням. Видел одну краем глаза в молодости, сердце зашло, но семья, дети, хозяйство, некогда на небо взглянуть! Теперь вот-вот высвободится из дряхлого тела... но и душа, видать, постарела. И к берегиням охота, и не меньше в охотку кус жареной печеночки, что бросают в угол домовому.

— Боромир, — спросил он осторожно, — а что жрут лешаки? Ежели лягух или пиявок...

Боромир грозно сверкнул очами, с грохотом ударил посохом о камни очага:

— О чем мыслишь? Ты жив. Помогай светлым богам в борьбе с темными! Вон у тебя дубина резьбой недоукрашена, охрой не расписана. Как без красоты воевать с Врагом? Лепота, Труд...

— Я помогаю, — перебил Тарас хриплым простуженным голосом. — Только уже не боец. Бе... медведя голыми руками ломал, как медовые соты, а теперь...

— Не боец? — удивился Боромир. — Все мы бойцы, поединщики! Если горшок не украсить волнистыми линиями, то оскудешь едой, если одежду не обнарядить — Враг проберется к сердцу! А у тебя вон ложки не расписаны, петли на куртке оборваны... Хоть это можешь сделать?

Тарас кивал, кутался в шкуру, оголив желтые худые ноги. Ссохшийся, скрючившийся под старой шкурой с вытертым мехом, он уже теперь казался домовым. Волхв прав, Мара с ее дочками — а их у проклятущей двенадцать! — сгубила больше, чем лесные звери. Надо давать отпор, надо... Но у молодых сил больше, а ему бы успеть решить: домовиком или лешим? Ведь кроме берегинь и леших в Лесу бродит нежить, души чужих мертвяков. Этих зайд, забредших в Лес невесть откуда, убивали и закапывали. Теперь бродят по ночам, кидаются из темноты, пьют теплую кровушку. Тарас в молодости барсов давил, беру хребет ломал, но нежить, сказывают, смахивает на больших жаб, а лягух Тарас боялся и маленьких. У бера шерсть теплая, а у жаб — холодная, склизкая кожа. Даже от махонькой жабы бывают большие бородавки, а чего ждать от нежити?

Он коротко вздохнул, перевел глаза на волхва. Тот гремел на всю землянку, грозно потрясая жилистыми руками:

— ...все деревянное покрыть резьбой, так и скажи своим! Глину расписать цветами, куда невестки глядят? В дупле ли, землянке — должно быть чисто! Но следы, чтобы мусор не выносили, а жгли в очаге...

Он сердито умолк. Старик кивает, но глаза далеко. Лицо как печеное в золе яблоко, щурится в улыбке. Домовиком, дескать, нужнее. Возле берегинь — для себя, а домовиком, мол, послужит семье и после смерти, как подобает человеку. Жить, правда, придется похуже, но душа за детей будет покойна. Жароок, старшой, до седин дожил, а вспыхивает как береста. Семенко, середульный, еще крепче — первый кулачный боец, далеко ли до беды? Младшенький, Вырвидуб, был во всем хорош, но погиб на охоте, оставив двоих детей. Внуки вовсе нескладные, особенно старший, Таргитай... Десять девятнадцать весен минуло, а ему бы все играть на дуде да за девками бегать! Придется домовиком. Будет следить, дабы блюли обычаи пращуров, ухаживали за могилками, поминали в Навий день, помогали родне, соседям, сиротам...

— Сыновья на охоте? — рявкнул Боромир, грубо вторгаясь в думы.

— Пошли к Неустроихе... Ее дупло разваливается. Мужики собрались, помогают перебраться в землянку.

Боромир одобрительно кивнул. Враг давит по одному, но когда люди помогают один другому, отступает, скрежеща зубами!

— А внуки?

— Лесуют. Справные охотники.

— Даже Таргитай?

Тарас опустил голову, избегая смотреть волхву в глаза.

— Тоже в лесу.

— Охотится?

— Ну... как умеет.

Боромир едва не выругался, повернулся и ушел как можно быстрее. Лаз в землянку плотно притворил, чтобы не выпускать горячий воздух.

Землянка Тараса, которую он расширил, отбив у медведя, самая крайняя, дальше Лес, где всегда сыро, мрачно. Земля вздрагивает, когда падают подгнившие великаны, молодняк жадно теснится над покрытыми мхом исполинскими валежинами, вместо неба там переплетенные ветви.

Деревня стояла в излучине Реки. В сухое время заяц перескакивает, не замочив лап, но сейчас весна, Река бурлит, неся вешние воды, деревья на глазах выпускают молодые веточки, тянутся через Реку, угрожая перешагнуть поток и вернуть себе отвоєванный людьми клочок земли.

Боромир остановился, впери́л тяжелый взгляд в темную стену Леса. Жить в Лесу — видеть смерть на носу. Беры, барсы, рыси, а в эту весеннюю пору — страшнее всех лось или тур. Еще в Лесу много болот, где человека и зверя подстерегают холодные лапы упырей.

Берегинь почти нет, те лишь на берегу, а у болот темная вода постепенно переходит в жидкую грязь, где роится всякая мерзость, потом поверх грязи

ложится толстая шкура зеленого мха, торчат кусты, иной раз одна-две каргалистые березки. Ступишь без опаски, мох прорвется, как гнилая шкура, и ухнешь в темную холодную воду, где нет дна. Засосет до преисподней, где правит подземным миром лютый Ящер!

Из Леса вышел и пошел через Реку рослый и широкий в плечах человек. Он выглядел грозным и сильным, на плечах лежал, свесив ноги и рогатую голову, крупный олень. На коротком поясе охотника висели два кремневых ножа, а в ременной петле хищно блестела тяжелая секира из гладкого отполированного гранита. Охотник был в душегрейке из волчьей шкуры мехом наружу, голые до плеч руки казались вырезанными из старого темного дуба. Он шагал широко, вспенивая воду высокими сапогами, одной рукой придерживал оленя.

За охотником по пятам брел светловолосый ясноглазый парнишка. У него были вскинутые брови, синие, как небо, глаза, лицо казалось удивленным. Он не отрывал от губ сопилку, звонко дудел, часто перебирая пальцами. Едва не упал — смотрел не под ноги, а в широкую спину.

Волхв с тревогой окинул взглядом охотника. Лучший стрелок, знаток Леса, умелец, но в деревне знают, что недолго Мраку жить среди людей!

Мрак подошел, передернул плечами, поправил сползающего оленя. Он был тяжел, могуч в плечах, а волосатая грудь так широка, что на ней разлегся бы барс. Черные, как крыло ворона, волосы падали до плеч, глаза были темные, цвета ночи. Дальняя родня бездельнику Таргитаю, который играет на дуде, но если Таргитай весь как очищенное яичко, то Мрак словно спал в саже. Суровое лицо, тоже будто из дуба вырезанное, — рябое, будто злые птицы поклевали, заметный шрам на подбородке.

Он сильно топнул ногами, стряхивая воду с сапог, кивнул Боромиру. За Мраком двигалась тяжелая густая тень. Боромир давно заметил, что тень всегда ходит за Мраком, какой бы день ни стоял, откуда бы свет ни падал.

— Привет служителю светлых богов, — прогудел Мрак густым темным голосом. — Лучшая часть оленя — тебе, Боромир.

— Не мне, а богам, — поправил волхв сердито. — Мои зубы не для жесткого мяса. Собьешь молодого рябчика, занеси... Тарх, ты не забыл, что завтра день Посвящения в Охотники?

Таргитай быстро-быстро закивал. Сопилку бережно прижимал к груди, глаза были преданные, чистые. Боромир зло сжал кулаки. Старший внук Тараса всегда смотрит преданно, но это самый ленивый из всего Народа. Увиливает от работы по дому, не умеет охотиться, не ловит рыбу, не ставит силки на зверя и птиц. Когда посылали за хворостом, пропадал весь день, а приносил одну-две веточки. Учили бортничать, но пугался пчел, учили тесать дерево — все шло вкривь и вкось. Не умеет выделывать шкуры, тесать камни, лепить горшки...

Боромир сказал язвительно:

— Оленя завалил ты, Таргитай? Мрак только помог нести?

Таргитай беспомощно оглянулся на огромного охотника. Мрак хмуро оскалил зубы. Свирепый и нелюдимый, он почему-то выделял Таргитая, слушал его дуду и нехитрые песенки, заступался. Мрака боялись. Никто не знал его полной мощи. В кулачных боях Мрак участия не принимал, но с

легкостью давил бера, ломал хребет туру, у него был самый мощный лук и самые длинные стрелы, больше похожие на дротики.

— Завтра чтоб с утра, — сказал Боромир.

Он посмотрел на чистое личико Таргитая, что больше пристало девице, чем будущему охотнику, повторил со злой усмешкой:

— С первым щебетом птиц!

И ушел, грозно стуча посохом. Таргитая со страхом смотрел в прямую спину волхва. Под медвежьей шкурой уверенно двигались тугие мышцы бывшего охотника, лучшего охотника племени.

Для такого волхва всякий, кто не охотник, — не человек вовсе!

На другой день с утра готовили место для обрядового костра. Туман еще уползал за Реку, цеплялся за кусты, а парни уже натаскали целую гору сухих валежин, хвороста, сучьев.

На высоком месте, на берегу Реки по соседству с кладбищем, как и завещано испокон веков, уложили широкую тяжелую колоду. В середине чернела обугленная ямка, туда вставили заостренный кол, привязали ремни, а двое дюжих мужиков с силой дергали, вздувая жилы. Кол вращался, вокруг топтались мужики и бабы, ребятишки глазели. Мужики взмокли, сбросили волчовки, наконец из колоды пошел жиденский дымок.

Боромир ходил строгий, прикрикивал. Охотники по его указке выдирали из земли камни, пни, утапывали, следом носились девки, помахивая венниками. Норовили задеть парней.

За Боромиром неотступно ходил Олег, младший волхв. В деревне знали, что Боромир часто гневается на Олега, несколько раз бил посохом. Среди молодых парней Олег слыл хитроумным, но, когда попал к Боромиру в ученики, все пошло наперекосяк. Не мог запомнить простейших чар, из Леса приносил не те травы, умничал: мол, любой огонь — от богов, так что от кремня рождается такой же священный, как и от ерзанья деревом по дереву.

По краям вытоптанной площадки свалили гору старого хлама, мусора, разошедшихся ведер, протертых кож, истоптанную обувь, сломанные остроги, треснутые кружки, ковши, ложки...

Боромир огляделся, бросил Олегу:

— Возьми двух парней, притащите во-о-он ту старую сушину! Огонь должен быть до неба, понял?

— Понял, все понял, — ответил Олег поспешно.

— А что понял? — спросил Боромир подозрительно. — Зачем такой огонь?

— Ну, чтобы богам стало жарко...

— Дурень, — бросил Боромир в сердцах. — Чем больше земли осветится, тем больше и осветится. Свет свят, понял? Боги радуются, удачу пошлют! Иди, остолоп.

Мужики и бабы, закрываясь руками от жара, подбегали к огню, швыряли хлам, очищая жилища от нечисти. За зиму накопилось подстилок из коры и трав, перепрело, кишат гадкие белые черви, вот-вот обернутся толстыми зелеными мухами, оводами, слепнями... Слава же, слава Агни, все горит, уносится дымом.

Боромир с натугой взгромоздился на пень, властно захлопал в ладоши: — Добро, добро!.. Боги зрят благосклонно. Мир очищается от скверны. Светлым богам любо, темным богам горько... А теперь очистимся и мы сами!

Олег по его знаку широко размахнулся, угодив локтем в лицо стоявшего сзади мужика, швырнул в костер связку сухого хвороста. Парни, не дожидаясь, пока разгорится, начали сигать через огонь, по-заячьи поджигая ноги. Девки запоздали, пламя вздувало подола, жгло ноги. Поднялся визг, вопли, посыпались шуточки, советы.

Кто хитрил, прыгал сбоку, где огонь поменьше, тех Боромир отправлял сквозь огонь снова. Пусть очищаются, выжигая из себя лесную сырость. Смех угоден богам. Смеются — значит, сыты, довольны, воздают хвалу. Потом парни начнут растаскивать девок по кустам, что уже оперились зелеными листочками. Тоже угодно богам. Самые угодные из всех зверей — люди.

В сторонке от требища, почти у самой Реки, ждали тесной стайкой парнишки. Их прогнали через костер первыми, теперь они чесали обожженные места, перешептывались. Таргитай стыдливо держался позади. Он уже шестой раз смотрит отсюда на пляски, на праздник Огня! Есть парни, что стали охотниками на двенадцатую весну, даже на десятую, а он встречает весну девятнадцатый раз...

Громобой, Старший Охотник, угрюмый и неповоротливый от избытка чудовищной силы, придиричиво осматривал молодняк, хмурился. Мельчают! Раньше на снегу спали, как тетерева, сырое мясо ели, лося хватали в буреломе, беров давили голыми руками! А теперь чистенькие, шкуры носят выделанные, норовят рыбу ловить — та сдачи не даст, птиц заманивают в силки, ягоду-малину ищут, ровно козы... Тьфу!

Медленно подошел, кривясь от болей в пояснице, Боромир. Громобой кивнул, продолжая рассматривать парней. Волхвов не жаловал, но Боромир не родился волхвом. Громобой был мальчишкой, запомнил могучего охотника, что в грозу попал под упавшее дерево. Другого бы в лепешку, но Боромир дерево стряхнул, до ближайшей землянки дополз. Не помер, не дался подземным силам, хотя те забрали его звериную мощь. Стал младшим волхвом у мудрого деда Огневита, а когда тот ушел в вирий, встал вместо него, охраняя деревню от Темных Сил Врага. Дело знал, обычаи блюл, к тому же изо всех обрядов больше всего любил Посвящение в Охотники.

Толкаясь, мешая друг другу, парни с натугой поволокли на пригорок огромный круг, обвязанный пучками сухой травы, обмазанный дегтем. Олег поднес горящую головню, сено вспыхнуло. Оранжевое пламя осторожно лизнуло подтеки дегтя, радостно взревело, набирая силу, — полыхнуло черным дымом, затрещало.

— Толкай! — заорал кто-то.

— Эй, поберегись!

— Дорогу ясному солнцу!

Пылающий круг покатился с берега. На камне подскочил, завихлял, но кто-то из смельчаков бросился наперерез, толкнул, и круг помчался к воде, набирая скорость. Искры летели во все стороны, и даже Боромиру,

который сам увязывал солому, показалось, что в самом деле солнце покатилося с небес в Реку.

Уже вся деревня собралась к освященному месту. Даже самые дряхлые и немощные выползли, доковыляли до капища. На краю утоптанной площадки уже высился новый столб с грубо вытесанным ликом Велеса, бога охотников. Его ставили каждую весну заново: земля сырая, столб гнивает через пару лет. Промедли чуть — ворона сядет на макушку — столб с грохотом падает. Однажды зашиб ребенка. В деревне поняли — Велес требует жертву. С той поры каждый год отдавали по младенцу, потом с охотой пошло на лад, и Боромир рискнул вместо ребенка своей сестры, которому выпал жребий, сжечь убитого лося. Вся деревня следила с трепетом, старики предрекали жестокие кары, но зверь шел на рогатины, рыба ловилась, и в деревне с облегчением перевели дух. Постепенно привыкли весной отдавать Велесу крупного зверя, первую рыбу после рекоплава и первое лукошко ягод.

Парней, которым предстоял обряд, поставили под столбом Велеса. Двое охотников, помощники Громобоя, оттеснили народ, прочертили круг, пригрозили, что ежели кто переступит, пусть пеняет на себя. Если Велес и промолчит, он уже не раз выказывал зряшную доброту, то Громобой нечестивцу переломает кости.

Охотники прикатали огромное сухое бревно, с почетом усадили четверых старцев. Боромир зорко оглядел притихших парней. Его совсем не старческие глаза недобро блеснули:

— Даже Таргитай не проспал... Добро! Посмотрим, на что годны.

В толпе, разорвав напряженное молчание, громко заплакал ребенок. Со всех сторон зашикали, глупую бабу вытолкали, велели убираться. Боромир рявкнул свирепо:

— Кремень!

Из группы подростков, расталкивая друзей без нужды, выступил крепкий мальчишка. Он был в душегрейке из невыделанной медвежьей шкуры. Солнце блестело на крутых плечах. Голые руки были в сизых шрамах. Он напряг плечи, гордо выпятил грудь:

— Я готов, Старший Волхв!

— Стань вправо, — велел Боромир потеплевшим голосом. — Деревня у нас большая, шесть жилищ, но всяк человек на виду. Все знают, что ты сам добыл этого медведя... Старики тебя первым нарекли для Посвящения.

Кремень, едва удерживая расплзающиеся губы, быстро перешел вправо от волхва. Боромир с удовлетворением проследил за уверенным шагом парня, сказал громко:

— Вышеслав!

— Я здесь, Старший Волхв! — торопливо выкрикнул мальчишка, что стоял рядом с Таргитаем. Голос его от волнения сорвался на щенячий визг. Отпихнув Таргитаю, хотя тот вовсе не загораживал дорогу, Вышеславка, Славка, а теперь уже Вышеслав быстро шагнул к Боромиру.

Старый волхв молвил медленно, косясь на застывшую в благоговейном молчании толпу родителей и соплеменников:

— Силой уступаешь Кремню, но вынослив, умеешь выследить зверя, знаешь повадки. Рыбу бьешь острой почице иного взрослого. Говорят, научился борtnичать. Завтра, Вышеслав, начнется твое испытание.

Вышеслав гордо отошел к Кремню, стал рядом. В толпе счастливо всхлипнула женщина. За ее подол цеплялись дети, с завистью смотрели на старшего брата.

Боромир повернулся к подпарубкам:

— Горята! Третьяк! Неустрой!

Парни выступили вперед, напыжились, раздвигая плечи, стараясь выглядеть могучими и злыми. Боромир сказал веско:

— Вас троих назвал Старший Охотник. Станьте справа.

Таргитай обхватил себя руками за плечи, унимая дрожь. Парни уходили, группка редела. Постепенно ушли почти все, с ним остались только Назарко и Тилак. Оба намного моложе, зато умелые рыбаки. Про Тилака поговаривали, что умеет перекидываться волком. Враки, скорее всего, но все равно Тилак не по годам дороден, силен, оправдывая имя. Еще в детстве его звали Телесиком, ибо тело было крупное, дородное. Сейчас у него пробиваются волосы на груди, хотя Тилаку всего десять весен. Неразговорчив, в отличие от веселого Назарки, часто пропадает в Лесу. Когда возвращается, пахнет потом и кровью.

Боромир повернулся к оставшимся, проговорил медленно:

— Назар, ты еще не вошел в возраст... Но я видел, рыбу бьешь умело. Ты можешь стать вправо... если хочешь.

— Конечно, хочу! — воскликнул Назарко с негодованием. Его глаза загорелись. К отобраннм он кинулся с такой прытью, что споткнулся и под гогот собравшихся растянулся во весь рост.

Дурак, подумал Таргитай. Набитый дурень. Чем худо оставаться подпарубком? У парубка обязанности, заботы. «Парубок» означает, что надо пароваться, брать пару, вить гнездо, кормить, охранять...

Боромир глядел острыми, как у коршуна, глазами. Лицо его искривилось, будто понял мысли Таргитая. Пронзив его взглядом, он сказал Назарке:

— Сейчас ты еще растешь... Хочешь — ловишь рыбу, хочешь — нет. А охотник ловить обязан. Подумай еще! У тебя три года в запасе.

Назарко даже взвизгнул, руки прижал к груди:

— Я всегда буду ловить рыбу! Я всегда буду охотиться! Разве есть еще что-то на белом свете лучше, чем быть охотником?

В толпе мать Назарки счастливо запричитала, закричала: «Кормилец!» За ее спиной мужик заулыбался, поддержал жену за плечи. Его звучно хлопали по спине, плечам, поздравляя с таким сыном.

Боромир снова бросил острый взгляд на Таргитая, сказал тяжело:

— Добро, Назарко. Из тебя получится охотник. Теперь ты, Тилак. Ты тоже молод не в меру, однако Лес знаешь, как свою поляну. Ты приносил мне целебные травы, находил золотые волосы берегинь, сумел уйти от кикимор... Если хочешь, стань вправо. Обряд посвящения тяжел, но пройдешь, чую. Я даже чую сердцем, что ты можешь стать моим младшим волхвом!